

Алексей Писемский

**Сочинения Н.В.Гоголя,
найденные после его смерти**

Алексей Феофилактович Писемский

Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти

«Пользуясь выходом в свет «Сочинений» Н.В.Гоголя, я решился высказать печатно несколько мыслей о произведениях его вообще и о второй части «Мертвых душ» в особенности и беру на себя это право не как критик, а как человек, который когда-то страстно знакомился с великим писателем, начиная с представления на сцене большей части написанных им ролей до внимательного изучения и поверки его эстетических положений...»

Содержание

Похождения Чичикова, или Мертвые души.	
Часть вторая	0005
Примечания	0056

**Алексей Феофилактович
Писемский
Сочинения Н.В.Гоголя,
найденные после его смерти**

Похождения Чичикова, или Мертвые души. Часть вторая

Пользуясь выходом в свет «Сочинений» Н.В.Гоголя, я решился высказать печатно несколько мыслей о произведениях его вообще и о второй части «Мертвых душ»[1] в особенности и беру на себя это право не как критик, а как человек, который когда-то страстно знакомился с великим писателем, начиная с представления на сцене большей части написанных им ролей до внимательного изучения и поверки его эстетических положений. Но прежде всего я просил бы читателя бегло взглянуть на состояние литературы и на отношение к ней общества в то время, когда Гоголь стал являться с своими первыми произведениями[2]. Нужно ли говорить, что то был период исключительно пушкинский, не по временному успеху поэта и его последователей[3], но по той силе, которую сохранило это направление до наших дней, и, когда уже все современное ему в литературе забывается и сглаживается, оно одно мужает и крепнет с

каждым днем более и более. Но в массе публики того времени это было несколько иначе; отдавая должное уважение поэту, она увлекалась и многим другим: в ней не остыла еще симпатия, возбужденная историческими романами Загоскина и Лажечникова[4], авторитеты – Жуковский и Крылов – еще жили и писали[5]. Кроме того, Марлинский все еще продолжал раздражать воображение читателей напыщенными великосветскими повестями и кавказскими романами[6], в которых герои отличались сангвиническим темпераментом и в то же время решительным отсутствием истинной страсти. Полевой компилировал драмы из Шекспира, из повестей, из анекдотов и для произведения театрального эффекта прибегал к колокольному звону[7]. Кукольник создавал псевдоисторическую русскую драму и производил неподдельный восторг, выводя на сцену в мужественной фигуре Каратыгина Ляпунова[8], из-за чего-то горячащегося и что-то такое говорящего звучными стихами. Барон Брамбеус, к общему удовольствию, зубоскалил в одном и том же тоне над наукой, литературой и над лубочными мос-

ковскими романами[9]. Бенедиктов и Тимофеев звучали на своих лирах[10] в полном разгаре сил. Никто, конечно, не позволит себе сказать, чтобы все эти писатели не обладали талантами, и талантами, если хотите, довольно яркими, но замечательно, что все они при видимом разнообразии имеют одно общее направление, ушедшее совершенно в иную сторону от истинно поэтического движения, сообщенного было Пушкиным, направление, которое я иначе не могу назвать, как направлением напряженности, стремлением сказать больше своего понимания – выразить страсть, которая сердцем не пережита, – словом, создать что-то выше своих творческих сил. В это-то время стал являться в печати Гоголь с своими сказками, и нельзя сказать, чтоб на первых его опытах, свежих и оригинальных по содержанию, не лежало отпечатка упомянутой мною напряженности. Стоит только теперь беспристрастно прочитать некоторые описания природы, а еще больше – описания молодых девушек[11], чтоб убедиться в этом. При воссоздании природы, впрочем, он овладел в позднейших сво-

их произведениях приличною ему силою. Степи и сад Плюшкина, например, представляют уже высокохудожественные картины; но при создании любезных ему женских типов великий мастер никогда не мог стать к ним хоть сколько-нибудь в нормальное отношение. Это – фразы и восклицательные знаки при обрисовке их наружности, фразы и восклицания в собственных речах героинь. Кто, положив руку на сердце, не согласится, что именно таковы девушки в его сказках: пылкая полячка в «Тарасе Бульбе», картинная Аннунциата[12] и, наконец, чудо по сердцу и еще большее чудо по наружности – Улинька. Точно то же потом бесплодное усилие чувствуется и в создании нравственно здоровых мужских типов: государственный муж и забившийся в глушь чиновник в «Театральном разъезде» ученически слабы по выполнению [13]. Никак нельзя сказать, чтоб в задумываемых всех этих лиц не лежало поэтической и жизненной правды, но автор просто не совладел с ними. Снабдив их идеей, он не дал им плоти и крови. Эта слабость и фальшивость тона при представлении правой стороны

жизни сторицею выкупались силою другого тона, изнутри энергического, несокрушаемо-правдивого, исполненного самым задушевным смехом, с которым Гоголь, то двумя – тремя чертами, то беспощадным анализом, рисует левую сторону, тоном, из которого впоследствии вышла первая часть Мертвых душ.

Вот почему, мне кажется, Пушкин, как чуткий эстетик, с такой полной симпатией встретил Нос – рассказ, по-видимому, без мысли, без понятного даже сюжета, но в котором он видел начало нового направления, чуждого его направлению, однако ж столь же истинного, столь же прочного, и это направление было юмор, тот трезвый, разумный взгляд на жизнь, освещенный смехом и принявший полные эту жизнь художественные формы, – юмор, тон которого чувствуется в наших летописях, старинных деловых актах, который слышится в наших песнях, в сказках, поговорках и в перекидных речах народа, и который в то же время в печатной литературе не имел права гражданства до Гоголя. Кантемир, Фонвизин, Грибоедов были ве-

личайшие сатирики, но и только. Они осмеивали зло как бы из личного оскорбления, как бы вызванные на это внешними обстоятельствами. Первые два карают необразование и невежество, потому что сами были люди, по тогдашнему, образованные; последний выводит фальшивые, пошлые, предрассудочные понятия целого общественного слоя, потому что среди них был всех умнее и получил более серьезное воспитание. Но уж гораздо иную единицу для промера, гораздо более отвлеченную и строгую встречаем мы у Гоголя. Настолько поэт, насколько философ, настолько сатирик и, если хотите, даже пасквилист, насколько все это входит в область юмора, он первый устремляет свой смех на нравственные недостатки человека, на болезни души. Если б Недорослей, Бригадиров, Фамусовых, Скалозубов поучить и пообразовать, то, кажется, авторы и читатели помирились бы с ними. Но Ноздрев, Подколесин, Плюшкин, Манилов и другие страдают не отсутствием образования, не предрассудочными понятиями, а кое-чем посерьезнее, и для исправления их мало школы и цивилизации. Сатириче-

ское направление Кантемира, Фонвизина, Грибоедова, как бы лично только им принадлежащее, кончилось со смертью их; но начало Гоголя, как более в одном отношении общечеловечное, а с другой стороны, более народное, сейчас же было воспринято и пошло в развитии образовавшеюся около него школою последователей. Вот в чем состоит огромное превосходство Гоголя перед всеми предшествовавшими ему комическими писателями, и вот почему он один, по преимуществу, может быть назван юмористом в полном значении этого слова. До какой степени эта прирожденная способность была велика в нем, можно судить из прогресса его собственных произведений. Начав, между прочим, с чудачков Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, страдающих склонностью к тяжбам, он возвышается до благородной, нравственно-утонченной, но все-таки болеющей личности Тентетникова; но, кроме того, посмотрите, сколько из этой истинной силы поэта вытекло внешних художественных форм, которые созданы Гоголем: он первый вводит типические характеры, трепещущие жизнью;

он первый дает типический язык каждому типу. Как ни верны в своих монологах лица комедии Фонвизина и Грибоедова, а все-таки в складе их речи чувствуется сочинительство, книжность; даже и тени этого не встречаете вы в разговорном языке большей части героев Гоголя: язык этот бьет у них живым ключом и каждым словом обличает самого героя. Не оскорбляя упреком драгоценной для меня, как и для всех, памяти великого писателя, я не могу здесь не выразить сожаления, как он сам, сознавая, конечно, в себе эту творческую способность, не оперся исключительно на нее при своих созданиях. И чем более припоми-наешь и вдумываешься в судьбу его произведений, в его эстетические положения, наконец, в его письма, в признания, тем более начинаешь обвинять не столько его, сколько публику, критику и даже друзей его: все они как бы сообща, не дав себе труда подумать об истинном призвании, значении этого призвания и средствах поэта, наперерыв старались повлиять на его впечатлительную душу, кто мыслью, кто похвалою, кто осуждением, и потом, говоря его же выражением, напустив ему

в глаза всякого книжного и житейского тумана[14], оставили на распутьи...

Немногие, вероятно, из великих писателей так медленно делались любимцами массы публики, как Гоголь. Надобно было несколько лет горячему, с тонким чутьем критику, проходя слово за словом его произведения, растолковывать их художественный смысл[15] и ради раскрытия этого смысла колебать иногда даже пристрастно устоявшиеся авторитеты[16]; надобно было несколько даровитых актеров[17], которые воспроизвели бы гоголевский смех во всем его неотразимом значении; надобно было, наконец, обществу воспитаться, так сказать, его последователями, прежде чем оно в состоянии было понять значение произведений Гоголя, полюбить их, изучить и разнять, как это есть в настоящее время, на поговорки. Но прежде чем устоялось, таким образом, общественное мнение, сколько обидного непонимания и невежественных укоров перенес поэт! «Скучно и непонятно!» – говорили одни. «Сально и тривиально!» – повторяли другие, и «Социально-безнравственно!» – решили третьи. Крити-

ки и рецензенты почти повторяли то же[18]. Одна газета, например, стоявшая будто бы всегда за чистоту русского языка, неприлично бранилась[19]; другой журнал, кутивший фирмам похвал драмам Кукольника, называл творения Гоголя пустяками и побасенками [20]. Даже и тот критик, который так искренно всегда выступал к ободрению Гоголя, даже и тот, в порыве личного увлечения, открыл в нем, по преимуществу, социально-сатирическое значение, а несколько псевдопоследователей как бы подтвердили эту мысль[21]. Между тем друзья, в искренности которых мы не смеем сомневаться, влияли вряд ли еще не к худшему: питая, под влиянием очень умно составленных лирических отступлений в первой части «Мертвых душ», полную веру в лиризм юмориста, они ожидали от него идеалов и поучений[22], и это простодушное, как мне всегда казалось, ожидание очень напоминало собой доброе старое время, когда жизнь и правда были сама по себе, а литература и, паче того, поэзия сама по себе, когда вымысел стоял в творчестве на первом плане и когда роман и повесть наивно считались не

чем иным, как приятною ложью. При таких эстетических требованиях создать прекрасного человека было нетрудно: заставьте его говорить о добродетели, о чести, быть, пожалуй, храбрым, великодушным, умеренным в своих желаниях, при этом не мешает, чтоб и собой был недурен, или, по крайней мере, имел почтенную наружность, – вот вам и идеал, и поучение! Но для Гоголя оказалась эта задача гораздо труднее: в первой части «Мертвых душ», объясняя, почему им не взят в герои добродетельный человек, он говорит:

«Потому, что пора наконец дать отдых добродетельному человеку, потому что праздно вращается на устах слово: добродетельный человек, потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и чем ни попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, а остались только ребра и кости вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека» (стр. 431 первой части «Мертвых

душ»).

В этих словах вы сейчас видите художника-критика, который в то же время, с одной стороны, как бы испугавшись будто бы бессмысленно грязного и исключительно социально-сатирического значения своих прежних творений, а с другой – в стремлении тронуть, по его же словам, доселе не тронутые еще струны, представить несметное богатство русского духа, представить мужа, одаренного божественными доблестями, и чудную русскую деву[23], какой не сыскать нигде в мире, со всею дивною красотой женской души, всю составленную из великодушного стремления и самоотвержения, – словом, снедаемый желанием непременно сыскать и представить идеалы, обрекает себя на труд упорный, насильственный.

«Мне хотелось (высказывает он потом в своей «Исповеди»), чтобы, по прочтении моего сочинения, предстал, как бы невольно, весь русский человек, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, кото-

рые находятся в нем также преимущественно перед всеми другими народами. Я думал, что лирическая сила, которой у меня был запас, поможет мне изобразить так эти достоинства, что к ним возгорится любовью русский человек, а сила смеха, которого у меня также был запас, поможет мне так ярко изобразить недостатки, что их возненавидит читатель, если бы даже нашел их в себе самом. Но я почувствовал в то же время, что все это возможно будет сделать мне только в таком случае, когда узнаю очень хорошо сам, что действительно в нашей природе есть достоинства и что в ней действительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвесить и оценить то и другое и объяснить себе самому ясно, чтобы не возвести в достоинство того, что есть грех наш, и не поразить смехом вместе с недостатками нашими и того, что есть в нас достоинство» (стр. 262 «Авторской Исповеди»).

На первый взгляд покажется, что подобную задачу, достойную великого мастера, Гоголь принимает на себя с величайшею добросовестностью и что иначе приступить к ней нельзя; но надобно быть хоть немного знако-

мым с процессом творчества, чтобы понять, до какой степени этот прием искусствен и как мало в нем доверия к инстинкту художника. Положительно можно сказать, что Шекспир, воспроизводя жизнь в ее многообразной полноте, создавая идеалы добра и порока, никогда ни к одному из своих произведений не приступал с подобным, наперед составленным правилом, и брал из души только то, что накопилось в ней и требовало излияния в ту или в другую сторону. Поэт узнает жизнь, живя в ней сам, втянутый в ее колдоворот за самый чувствительный нерв, а не посредством собирания писем и отбирания показаний от различных сведущих людей. Ему не для чего устраивать в душе своей суд присяжных, которые говорили ему, виновен он или невиновен, а, освещая жизнь данным ему от природы светом таланта, он узнает и видит ее яснее всякого трудолюбивого собирателя фактов.

Почти наглядным доказательством мысли моей о силе и художественной зрелости в одну сторону и о напряженности труда в другую может служить вторая часть Мертвых душ.

Безусловно, подкупленный достоинствами первой части, я задавал себе постоянно, с некоторым опасением, вопрос: какие еще новые типы выведет нам Гоголь, и как их выполнит? Началом труда так уж много было сделано, что только вера в громадность его таланта заставляла надеяться на прогресс, а доходившие по временам слухи, что то-то и то-то хорошее есть во второй части, укрепляли это ожидание. С такого рода опасениями и надеждами приступил я к чтению второй части – и не могу выразить, какое полное эстетическое наслаждение чувствовал я, читая первую главу, с появления в ней и обрисовки Тентетникова. Надобно только вспомнить, сколько повестей написано на тему этого характера[24] и у скольких авторов только еще надумывалось что-то такое сказаться; надобно потом было приглядываться к действительности, чтоб понять, до какой степени лицо Тентетникова, нынче уж отживающее и редящее, тогда было современно и типично. Образованный не фактами, а душой науки, утонченно развитой нравственно, стремившийся к живой деятельности, с возбужден-

ным честолюбием, юноша Тентетников вступает в службу, и, вместо того, чтоб побороть этот первый, трудный шаг в жизни, он сразу охладевает к избранной им деятельности: она перестает быть для него уж первым делом и целью, но делается чем-то вторым; знакомство с двумя личностями, которых автор называет людьми огорченными, доканчивает начатое. Передаю об этом обстоятельстве его собственными словами.

«Это были (говорит он) те беспокойно-страстные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые по началу, но беспорядочные сами в своих действиях, требуя к себе снисхождения и в то же время исполненные нетерпимости к другим, они подействовали на него сильно и пылкой речью и образом благородного негодования противу общества. Разбудивши в нем нервы и дух раздражительности, они заставили замечать все те мелочи, на которые он и не думал обращать внимания. Федор Федорович Леницын, начальник одного из отделений, поме-

цавшихся в великолепных залах, вдруг ему не понравился. Он стал отыскивать в нем бездну недостатков» (стр. 18 второй части «Мертвых душ»).

А вследствие того:

«Какой-то злой дух толкал его сделать что-нибудь неприятное Федору Федоровичу. Он на то наискивался с каким-то особым наслаждением и в том успел. Раз поговорил он с ним до того крупно, что ему объявлено было от начальства либо просить извинения, либо выходить в отставку. Дядя, действительный статский советник (определивший Тентетникова на службу), приехал к нему перепуганный и умоляющий: «Ради самого Христа! Помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь? Оставляя так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался не такой, как хочется, начальник. Помилуй, что ты? Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбие, поезжай и объяснись с ним».

«Не в том дело, дядюшка, сказал племянник. Мне не трудно попросить у него извинения. Я виноват; он начальник, и не следовало

так говорить с ним. Но дело вот в чем: у меня есть другая служба: триста душ крестьян, именье в расстройстве, управляющий дурак... Что вы думаете? Если я позабочусь о сохраненьи, сбереженьи и улучшеньи участи вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых, работающих подданных» (стр. 19 и 20 второй части «Мертвых душ»).

Словом, Тентетников избирает другую деятельность, в которой – увы! – оказывается та же благородная мысль и энергия в начинании и та же слабость и отсутствие упорства в исполнении; а затем следует полное отрицание от предпринятого труда – и начинается жизнь байбака, небокоптителя. Но это не было полным омертвлением: при всей видимой внешней недеятельности в душе Тентетникова чутко живут все нравственные потребности хорошей и развитой натуры. В своей апатии он обдумывает еще великое сочинение о России; в нем не угасло еще честолюбие – этот рычаг-двигатель большей части великих человеческих дел.

«Когда привозила почта газеты и журналы

(говорит автор) и попадалось ему в печати знакомое имя прежнего товарища, уже преуспевшего на видном поприще государственной службы, или приносившего посильную дань наукам и делу всемирному, тайная, тихая грусть подступала ему под сердце, и скорбная безмолвно грустная, тихая жалоба на бездействие свое прорывалась невольной. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. С необыкновенной силою воскресало пред ним школьное минувшее время и представлял вдруг, как живой, Александр Петрович... и градом лились из глаз его слезы...» (стр. 28 и 29 второй части «Мертвых душ»).

Наконец в сердце его закрадывается что-то похожее на любовь, но и тут кончилось ничем, и не столько по апатии, а из того же тонкого самолюбия. Он влюбился в дочь генерала Бетрищева. Генерал принимал сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно, потом позволил себе несколько фамильярный тон и стал относиться к нему свысока, говоря: любезнейший, послушай, братец, и один раз сказал даже ты. Тентетников не вынес этого.

«Скрепя сердце и стиснув зубы, он, однако же, имел присутствие духа сказать необыкновенно учтивым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и все внутри его кипело: «Я благодарю вас, генерал, за расположение. Словом: ты, вы меня вызываете на тесную дружбу, обязывая и меня говорить вам ты. Но различие в годах препятствует такому фамильярному между нами обращению». Генерал смутился. Собирая слова и мысли, стал он говорить, хотя несколько несвязно, что слово ты было им сказано не в том смысле, что старику иной раз позволительно сказать молодому человеку ты (о чине своем он не упомянул ни слова)» (стр. 33 второй части «Мертвых душ»).

Читатель видит, какой истиной все это дышит и как живо лицо Тентетникова. Родятся ли уж сами собой такие характеры или они образуются потом, как порождение обстоятельств, спрашивает сам себя художник и, вместо ответа, честно рассказывает то, что я сейчас передал. И к этому-то человеку приводит он своего героя, Чичикова. Нельзя себе вообразить более счастливого сведения двух

лиц как по историческому значению, так и по задачам юмориста. Ни одна, вероятно, страна не представляет такого разнообразного столкновения в одной и той же общественной среде, как Россия; не говоря уж об общественных сборищах, как, например, театральная публика или общественные собрания, – на одном и том же бале, составленном из известного кружка, в одной и той же гостиной, в одной и той же, наконец, семье, вы постоянно можете встретить двух, трех человек, которые имеют только некоторую разницу в годах и уже, говоря между собою, не понимают друг друга! Вот довольно откровенная беседа, которая возникает между хозяином и гостем. Чичиков, пообжившись и заметив, что Андрей Иванович карандашом и пером вырисовывал какие-то головки, одна на другую похожие, раз после обеда, оборачивая, по обыкновению, пальцем серебряную табакерку вокруг ее оси, сказал так:

– У вас все есть, Андрей Иванович, одного только недостает. – Чего? – спросил тот, выпуская кудреватый дым. – «Подруги жизни», – сказал Чичиков. Ничего не сказал Андрей

Иванович. Тем разговор и кончился. Чичиков не смутился, выбрал другое время, уже перед ужином, и, разговаривая о том и о сем, сказал вдруг: «А право, Андрей Иванович, вам бы очень не мешало жениться». – Хоть бы слово сказал на это Тентетников, точно как бы и самая речь об этом была ему неприятна. Чичиков не смутился. В третий раз выбрал он время, уже после ужина, и сказал так: «А все-таки, как ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию». Слова ли Чичикова были на этот раз так убедительны, или же расположение духа в этот день у него особенно настроено было к откровенности, он вздохнул и сказал, пустивши кверху трубочный дым: «На все нужно родиться счастливецом, Павел Иванович», – и тут же передал гостю все, как было, всю историю знакомства с генералом и разрыва. Когда услышал Чичиков от слова до слова все дело и увидел, что из одного слова ты произошла такая история, он оторопел. С минуту смотрел пристально в глаза Тентетникову и не знал, как решить: действительно ли он круглый дурак или только с придурью?

– Андрей Иванович! Помилуйте! – сказал он, наконец, взявши его за обе руки: – Какое ж оскорбление? Что ж тут оскорбительного в слове ты?

– В самом слове нет ничего оскорбительного, – сказал Тентетников, – но в смысле слова, но в голосе, с которым сказано оно, заключается оскорбление. Ты! Это значит: помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нет никого лучше, а приехала какая-нибудь княжна Юзякина – ты знай свое место, стой у порога. Вот что это значит! – Говоря это, смиренный и кроткий Андрей Иванович за сверкал глазами; в голосе его слышалось раздраженье оскорбленного чувства.

– Да хоть бы даже и в этом смысле, что ж тут такого? – сказал Чичиков.

– Как? – сказал Тентетников, смотря пристально в глаза Чичикова. – Вы хотите, чтобы я продолжал бывать у него после такого поступка?

– Да какой же это поступок? Это даже не поступок! – сказал Чичиков.

– Как не поступок? – спросил в изумлении Тентетников.

– Это не поступок, Андрей Иванович. Это просто генеральская привычка, а не поступок; они всем говорят: ты. Да, впрочем, почему ж этого и не позволить заслуженному, почтенному человеку?..

– Это другое дело, – сказал Тентетников. – Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне ты и принял бы даже почти-тельно.

«Он совсем дурак, – подумал про себя Чичиков. – Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» (стр. 46, 47, 48 второй части «Мертвых душ»).

Не правда ли, что во всей этой сцене как будто разговаривают два человека, отдаленные друг от друга столетием: в одном ни воспитанием, ни жизнью никакие нравственные начала не тронуты, а в другом они уж чересчур развиты... странное явление, но в то же время поразительно верное действительности! Перехожу к последствию этого разговора, которое состояло в том, что Чичиков, тоже к крайнему удивлению Тентетникова, взялся хлопотать о примирении его с генера-

лом и поехал к генералу.

Многие, конечно, из читателей, прочитав еще в рукописи, знают, помнят и никогда не забудут генерала Бетрищева; лично же на меня он, при каждом новом чтении, производит впечатление совершенно живого человека. Фигура его до того ясна, что как будто облечена плотью. Но, кроме этой, вполне законченной, внешней представительности, посмотрите, каким полным анализом раскрывается его нравственный склад.

«Генерал Бетрищев заключал в себе, при куче достоинств, и кучу недостатков. То и другое, как водится в русском человеке, было набросано у него в каком-то картинном беспорядке. В решительные минуты великодушные, храбрость, ум, беспримерная щедрость во всем и в примесь к этому капризы честолюбия, самолюбия и та мелкая щекотливость, без которой не обходится ни один русский, когда он сидит без дела и не требуется от него решительности. Он не любил всех, которые опередили его по службе, и выражался о них едко, в колких эпиграммах. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, которо-

го он считал ниже себя умом и способностями, который, однако ж, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний и, как нарочно, тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отместку язвил он его при всяком случае, порочил всякое распоряжение и видел во всех мерах и действиях его верх неразумения. В нем было все как-то странно, начиная с просвещения, которого он был поборником и ревнителем; он любил блеск, любил похвастать умом, знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает. Воспитанный полуиностранным воспитанием, он хотел сыграть в то же время роль русского барина. И не мудрено, что с такой неровностью в характере, с такими крупными, яркими противоположностями он должен был неминуемо встретить по службе множество неприятностей, вследствие которых и вышел в отставку, обвиняя во всем какую-то враждебную партию и не имея великодушия обвинить в чем-либо себя самого. В отставке сохранил он ту же картинную величавую осан-

ку. В сюртуке ли, во фраке ли, в халате, он был все тот же. От голоса до малейшего телодвижения, в нем все было властительное, повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то, по крайней мере, робость» (стр. 56 и 57 второй части «Мертвых душ»).

Чичиков, приехавший к генералу, почувствовал и уваженье и робость.

«Наклоня почтительно голову набок и расставив руки на отлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками, он изумительно ловко нагнулся всем корпусом и сказал: «Счел долгом представиться вашему превосходительству. Питая уваженье к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счел долгом представиться лично вашему превосходительству».

«Генералу, как видно, не понравился такой приступ. Сделавши весьма благосклонное движенье головою, он сказал: «Весьма рад познакомиться. Милости просим садиться. Вы где служили?»

– Поприще службы моей, – сказал Чичиков, садясь в кресла не на середине, но наис-

кость и ухватившись рукою за ручку кресел, – началось в Казенной Палате, ваше превосходительство. Дальнейшее же течение оной совершал по разным местам: был и в Надворном Суде, и в Комиссии Строений, и в Таможне. Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди волн, ваше превосходительство. Терпеньем, можно сказать, повит, спеленан, и будучи, так сказать, сам одно олицетворенное терпенье... А что было от врагов, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, ни самая даже кисть не сумеет того передать... Так что на склоне жизни своей ищу только уголка, где бы провести остаток дней. Приостановился же покуда у близкого соседа вашего превосходительства...

– У кого же?

– У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генерал поморщился.

– Он, ваше превосходительство, весьма раскаивается в том, что не оказал должного уважения...

– К чему?

– К заслугам вашего превосходительства.

Не находит слов... Говорит, если б я только мог перед его превосходительством чем-нибудь... потому что точно, говорит, умею ценить мужей, спасавших отечество, говорит.

– Помилуйте, что ж он? Да ведь я не сержусь, – сказал смягченный генерал. – В душе моей я искренно полюбил его и уверен, что со временем он будет преполезный человек.

– Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человек может быть, и с даром слова, и владеет пером...

– Но пишет, чай, пустяки какие-нибудь, стишки.

– Нет, ваше превосходительство, не пустяки... он что-то дельное пишет... историю, ваше превосходительство.

– Историю? О чем историю?

– Историю... – тут Чичиков остановился. И оттого ли, что перед ним сидел генерал, или просто, чтоб придать более важности предмету, прибавил: – Историю о генералах, ваше превосходительство.

– Как о генералах? О каких генералах?

– Вообще о генералах, ваше превосходитель-

тельство, в общности. То есть, говоря собственно, об отечественных генералах.

Чичиков совершенно спутался и потерялся; чуть не плюнул сам и мысленно сказал себе: «Господи, что за вздор такой несу!»

– Извините, я не очень понимаю... Что ж это выходит, историю какого-нибудь времени, или отдельные биографии, и притом всех ли, или только участвовавших в 12-м году?

– Точно так, ваше превосходительство, участвовавших в 12-м году.

Проговоривши это, он подумал в себе: «Хоть убей, не понимаю!»

– Так что ж он ко мне не приедет? Я бы мог собрать ему весьма много любопытных материалов.

– Робеет, ваше превосходительство.

– Какой вздор! Из-за какого-нибудь пустого слова... Да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, к нему сам готов приехать.

– Он к тому не допустит, он сам приедет, – сказал Чичиков, оправясь совершенно, ободрился и подумал: «Экая оказия! Как генералы пришлись кстати, а ведь язык взболтнул сдур!» (стр. 58, 59, 60 и 61 второй части «Мерт-

вых душ»).

Может ли что-нибудь быть с более живым юмором по содержанию и художественнее выполнено, как эта сцена?.. Тут входит дочь генерала, Улинька, предмет любви Тентетникова, и, как можно подозревать, та чудная славянская дева, которая была обещана автором в первой части «Мертвых душ» и за которую, признаться, я тогда еще опасался, не потому, чтоб невозможно было вывести прекрасной славянки – она уж есть у нас в лице Татьяны Пушкина[25], но считал это вне средств Гоголя. Опасения мои сбылись в самых громадных размерах: он как бы сразу теряет творческую силу и впадает в самый неестественный, фальшивый тон:

«В кабинете послышался шорох; ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою, и на отворившейся обратной половинке ее, ухватившись рукой за медную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, она бы так не поразила внезапностью своего явления. Видно было, что она вошла с тем, что-

бы что-то сказать, но увидела незнакомого человека. С нею вместе, казалось, влетел солнечный луч, и как будто рассмеялся нахмурившийся кабинет генерала. Пряма и легка, как стрела, она как бы возвышалась над всем своим полом; но это было обольщение. Она была вовсе невысока ростом. Происходило это от необыкновенного соотношения между собою всех частей ее тела. Платье сидело на ней так, что, казалось, лучшие швеи совещались между собою, как бы убрать ее. Но это было также обольщение. Оделась она как будто бы сама собой; в двух, трех местах схватила, и то кое-как, неизрезанный кусок одноцветной ткани, и он уже собрался и расположился вокруг нее в таких сборках и складках, что ваятель сейчас же перенес бы их на мрамор. Все барышни, одетые по моде, показались бы перед ней чем-то обыкновенным» (стр. 61 и 62 второй части «Мертвых душ»).

Описание это, по моему мнению, ниже самых напыщенных описаний великосветских героинь Марлинского, потому что там по крайней мере видно больше знания дела и, наконец, положено много остроумия. Тон ре-

чи этой восемнадцатилетней девушки превосходит своею фальшивостью самое описание. «Он плутоват, гадковат», – говорит она об одном Вишнепокровове, или следующим образом возражает отцу: «Я не понимаю, отец, как с добрейшей душой, какая у тебя есть, и с таким редким сердцем ты будешь принимать этого человека, который, как небо от земли, от тебя». Грустней всего, что эти ошибки великого мастера не могут быть извинены недоконченностью в отделке, или какими-нибудь пропусками, а напротив, ясно видно, что все это сделано с умыслом, обдуманно, с целью поразить читателя, и в то же время без всякого эстетического чутья. Неприятность впечатления этого фальшиво выполненного лица снова выкупается в дальнейшей сцене генералом и развернувшимся, но постоянно верным самому себе Чичиковым, в котором можно разве только укорить автора за анекдот о черненьких и беленьких[26]. Видимо, что анекдот этот подслушан у рассказчика, придавшего мастерством рассказа самому анекдоту значение, которого в нем нет. Поставлен он с понятною целью вызвать от ге-

нерала несколько честных и энергических замечаний на счет взяток; но для этого следовало бы взять более резкий и типичный случай, которых много ходит в устных рассказах.

За визитом к генералу следует большой пропуск, и мы уж встречаем Чичикова, едущего к родственнику генерала, полковнику Кошкареву, и попадающего, вместо того, к помещику Петуху. Петух этот очень напоминает собой первоначальные веселые типы Гоголя, и читатель, конечно, с удовольствием с ним встречается, хотя первая сцена, где тащат Петуха в воде неводом, невозможна и потому карикатурна; но что истинно хорошо, так это два сына Петуха, гимназисты, которые уж и трубку курят, и за столом без всяких заметных последствий рюмку за рюмкой опрокидывают, и один из них с первых же разов стал рассказывать Чичикову, что в губернской гимназии нет никакой выгоды учиться, что они с братом хотят ехать в Петербург, потому что провинция не стоит того, чтоб в ней жить. «Понимаю, – сказал Чичиков, – кончится дело кондитерскими да бульварами!» При таком легком очерке милые мальчики стоят

пред вами как живые, и вы знаете уж всю их дальнейшую карьеру. Приехавший затем Платонов – лицо, хорошо на первый раз показанное, но очень мало потом развитое, и потому о нем ничего нельзя сказать, но в то же время невозможно удержаться от выписки того, каким образом Петух заказывал кулебяку.

«И как заказывал! У мертвого родился бы аппетит. И губами подсасывал и причвакивал. Раздавалось только: «Да поджарь, да дай взопреть хорошенько!» А повар приговаривал тоненькой фистулой: «Слушаю-с. Можно-с. Можно-с и такой».

«– Да кулебяку сделай на четыре угла, – говорил он с присасываньем и забирая в себя дух. – В один угол положи ты мне щеки осетра да визиги, в другой гречневой кашицы да грибочков с лучком, да молоко сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакое... какого-нибудь там того.

«– Слушаю-с. Можно будет и так.

«– Да чтобы она с одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподку-то припеки ее так, чтобы всю

ее прососало, проняло бы так, чтобы она вся, знаешь, этак разтого, не то, чтобы рассыпалась, а и стаяла бы во рту, как снег какой, так, чтобы и не услышал. – Говоря это, Петух при-смакивал и подшлепывал губами.

« – Черт побери! Не дает спать, – думал Чичиков и закутал голову в одеяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одеяло было слышно:

«– А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да снеточков, да груздочков, да там, знаешь, репушки, да моркови, да бобков, там чего-нибудь этакое, знаешь, того разтого, чтобы гарниру, гарниру всякого побольше. Да сделай ты мне свиной сычуг: кольни ледку, чтобы он взбухнул хорошенько.

« Много еще Петух заказывал блюд» (стр. 96 и 97 второй части «Мертвых душ»).

От Петуха Чичиков едет к зятю Платонова, помещику Костанжогло, на которого я просил бы читателя обратить внимание, потому что он преимущественно заслуживает этого по отношению к нему автора. До сих пор всех героев «Мертвых душ» (за исключением неудавшейся Улиньки) художник подчинял

себе и своим воззрением стоял далеко выше их, но в Костанжогло вы сейчас чувствуете, что он сам подчиняется ему, и из этого, полагаю, можно заключить, что это лицо – один из обещанных доблестных мужей, к которым должен возгораться любовью читатель. И посмотрите, сколько приемов употреблено по-этом, чтоб осветить своего любимца приличным светом! Разумно практический и нравственно здоровый, выведенный на поучение публики, Костанжогло, по словам автора, не обдумывает своих мыслей заблаговременно сибаритским образом у огня перед камином: они у него рождаются на месте, и где приходят в голову, там же и превращаются в дело, но прежде чем открывается вся его практическая мудрость Чичикову, а вместе с тем и читателю, ради научения, показывается с своими хозяйственными распоряжениями карикатура – Кошкарев. Костанжогло говорит о нем таким образом:

«Кошкарев утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражается карикатурно и виднее глупость всех этих умников, которые, не узнавши прежде своего, забирают

дурь из чужих: завели и конторы, и школы, и черт знает, чего не завели эти умники. Поправились было после француза, так вот теперь все давай расстраивать сызнова» (стр. 117 второй части «Мертвых душ»).

С этой целью, он, вероятно, введен и в роман; а чтоб придать ему хоть сколько-нибудь человеческую форму, автор называет его сумасшедшим. Лицо это совершенно не удалось, и в создании его вы решительно не узнаете не только юмориста, но даже сатирика, даже пасквилиста, и оно мне собой очень напоминает изображения Европы, Азии, Африки, Америки в виде мифологических женщин. Азия, например, с черными волосами, с огненными глазами и с кинжалом в руке, а Европа белокурая и сидит с книгой в руке и с циркулем. Но возвратимся опять к Костанжогло. Самое осязательное доказательство его практической мудрости составляют богатства, которые плывут ему в руки. Система же хозяйственная его состоит в том, что он заводит фабрики только для того, чего у него есть избытки и есть в окрестности потребители. По его мнению, в хозяйстве всякая дрянь дает

доход; таким образом, рыбью шелуху сбрасывали на его берег в продолжение шести лет, и он начал из нее варить клей, до сорока тысяч и взял, и, кроме того, он занялся этим потому, что набрело много работников, которые умерли бы без этого с голоду.

«Думают (рассуждает он потом), как просветить мужика. Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там его дело! Ведь как теперь, в это время, весь свет погупел, так вы не можете себе представить, что пишут теперь эти щелкоперы! Вот что стали говорить: крестьянин ведет уж очень простую жизнь: нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья! Сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болезней, черт знает, каких понабрались. И уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив, как пузырь. Так хотят теперь и этих заразить. Да слава богу, что у нас осталось хоть одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями. За это мы просто должны благодарить бога. Да хлебопашец у

нас всех почтеннее, что вы его трогаете? Дай бог, чтоб все были, как хлебопашец.

« – Так вы полагаете, что хлебопашеством доходливей заниматься? – спросил Чичиков.

« – Законнее, а не то что доходнее. Возделывай землю в поте лица своего, сказано. Тут нечего мудрить. Это уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственней, чище, благородней, выше. Не говорю, не заниматься другим, но чтоб в основании легло хлебопашество – вот что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законные фабрики того, что нужно здесь, под рукой человеку, на месте, а не эти всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом для поддержки их, для сбыту употребляют все гнусные меры, развращают, растлевают несчастный народ. Да вот же не заведу у себя, как ты там ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности, производств: ни табаку, ни сахару, хоть бы потерял миллион. Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед богом прав... Я двадцать лет живу с народом; я знаю, какие от этого по-

следствия.

«– Для меня изумительнее всего, как при благоразумном управлении, из остатков, из обрезков, из всякой дряни можно получить доход, – сказал Чичиков.

«– Гм! Политические эконоы! – говорит Костанжогло, не слушая его, с выражением желчного сарказма в лице. – Хороши политические эконоы! Дурак на дураке сидит и дураком погоняет. Дальше своего глупого носа не видит осел, а еще взлезет на кафедру, наденет очки... Дурачье... – И в гневе он плюнул» (стр. 120 и 121 второй части «Мертвых душ»).

Оправдывая себя против общественного мнения, что будто он сквалыга и скупец первой степени, Костанжогло говорит:

«Это все оттого, что не задаю обедов, да не даю им займы денег. Обедов я потому не даю, что это бы меня тяготило. Я к этому не привык, а приезжай ко мне есть то, что я ем, – милости просим. Не даю денег займы, это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься моими деньгами, если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их

умно и деньги принесут тебе явную прибыль – я тебе не откажу и не возьму даже процентов» (стр. 124 и 125 второй части «Мертвых душ»).

Сколько во всех этих речах высказано хозяйственных и историческо-нравственных мыслей, а все-таки в Костанжогло вы видите резонера, а не живое лицо, и он решительно, мне кажется, неспособен поселить веру в то, что он хороший человек и дельный хозяин. Припомните, например, Собакевича, и вы сейчас скажете: «Нет, Собакевич кулак, а все-таки, кажется, хозяин проще и лучше, чем Костанжогло», – и скажете потому, что Собакевич – тип, свободно, творчески беспристрастно созданный автором вследствие личных наблюдений над людьми, а Костанжогло – идея, для выражения которой приисканы в жизни только формы, и приисканы посредством собирания сведений и бесед с сведущими людьми, а не через непосредственное столкновение с жизнью; тогда бы, я уверен, глубоко пронизательный взгляд художника проник дело глубже. Скажу еще более откровенно: вглядываясь внимательно в живые сторо-

ны Костанжогло, насколько их автор дал ему, сейчас видно в нем какого-нибудь, должно быть, греческого выходца, который, еще служа в полку и нося эполеты, начинал, при всяком удобном случае, обзаводиться выгодным хозяйством, а в настоящее время уже монополист и заgreбистая, как прекрасно выразился Чичиков, лапа, которому и следовало предоставить опытный, практический ум, оборотливость, твердость характера и ко всему этому приличную сухость сердца. Поэтический взгляд Костанжогло на хозяйство, его доброе дело в отношении к Чичикову, которому он, не зная, кто он и что он за человек, дает десять тысяч взаймы под расписку, – все это звучит таким фальшем, что даже грустно говорить об этом подробно...

Обратимся лучше к новому лицу. Верный своей задаче поучать читателя Костанжоглом, автор везет Чичикова к разорившемуся помещику Хлобуеву. Лицо это по выполнению далеко не dokonчено и решительно не получило еще наружной шлифовки; но по тонкости задачи, по правильности к нему отношений автора равняется, если не превосхо-

дит, даже Тентетникова. Вот как автор определяет его:

«На Руси, в городах и столицах, водятся такие мудрецы, которых жизнь необъяснимая загадка. Все, кажется, прожил, кругом в долгах, ниоткуда никаких средств, а задает обед, и все обедающие говорят, что это последний раз, что завтра же хозяина потащат в тюрьму. Проходит после того 10 лет. Мудрец все еще держится на свете, еще больше прежнего кругом в долгах и также задает обед, на котором опять все обедают и думают, что это уже в последний раз, и снова все уверены, что завтра же потащат хозяина в тюрьму. Дом Хлобуева в городе представлял необыкновенное явление. Сегодня поп в ризах служил там молебен, завтра давали репетицию французские актеры. В иной день ни крошки хлеба нельзя было отыскать, в другой – хлебосольный прием для всех артистов и художников и великодушная подача всем. Бывали подчас такие тяжелые времена, что другой давно бы на его месте повесился или застрелился; но его спасало религиозное настроение, которое странным образом совмещалось в нем с беспутною

его жизнь. В эти горькие минуты читал он жития страдальцев и тружеников, воспитавших дух свой быть превыше несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух и слезами исполнялись глаза его. Он молился, и странное дело! Почти всегда приходила к нему откуда-нибудь неожиданная помощь, или кто-нибудь из старых друзей его вспоминал о нем и присылал ему деньги, или какая-нибудь проезжая незнакомка, нечаянно услышав о нем историю, с стремительным великодушием женского сердца присылала ему богатую подачу, или выигрывалось где-нибудь в пользу его дело, о котором он никогда и не слышал. Благоговейно признавал он тогда необъятное милосердие провидения, служил благодарственный молебен и вновь начинал беспутную жизнь свою» (стр. 158 и 159 второй части «Мертвых душ»).

Несмотря на это странное соединение доброго сердца, светлого, сознательного ума с распущенностью, пустой в высшей степени жизни с религиозностью, Хлобуев составляет органически цельное, поразительно живое лицо. Вы, читатель, вероятно, имеете одного

или двух таких знакомых. Никто вас так не сердил, и никого вы не способны так скоро и душевно простить, как этих людей. Никто вам столько не надоедал своими вздорными надеждами и бесполезным, но искренним раскаянием, и в то же время ни с кем вы не желаете так встретиться и побеседовать, как с ними.

Окончание четвертой главы и пятая глава не могут подлежать никакому суду, потому что это скорее конспекты, и те с пропусками, по которым, впрочем, ясно видно, как много живых струн предназначтал себе великий юморист тронуть из русской жизни, и нам, читателям, остается только скорбно сожалеть о том, что он не довершил своих предназначений, или, как говорят, и довершил, но уничтожил свой труд. В критическом же отношении из всех набросанных силуэтов нельзя не заметить откупщика Муразова. Не произнося над этим лицом приговора, по его неоконченности, нельзя не заметить в нем, как и в Ко-станжогло, идеала и вместе с тем решительного преобладания идеи над формой.

Такова, по нашему крайнему разумению,

столь долго ожидаемая вторая часть «Мертвых душ» с ее громадными достоинствами и недостатками. Трудясь над ней, Гоголь, говорят, читал ее некоторым лицам – и не знаю, раздался ли между ними хоть один раз такой искренний голос, который бы сказал ему: «Ты писал не грязные побасенки, но вывел и растолковал глубокое значение народного смеха. Ты великий, по твоей натуре, юморист, но не лирик, и весь твой лиризм поглощается юмором твоим, как поглощается ручеек далеко, бойко и широко несущейся рекою. Ты не безнравственный писатель, потому что, выводя и осмеивая черную сторону жизни, возбуждаешь в читателе совесть. Неужели по твоей чуткости к пороку, к смешному, ты не раскрываешь добра собственной души гораздо нагляднее какого-нибудь поэта, кокетствующего перед публикой поэтическим чувством? Смотри: одновременно с тобой действуют на умы два родственные тебе по таланту писателя – Диккенс и Теккерея[27]. Один успокаивает себя и читателя на сладеньких, в английском духе, героинях, другой хоть, может быть, и не столь глубокий сердцеведец, но зато он

всюду беспристрастно и отрицательно господствует над своими лицами и постоянно верен своему таланту. Скажи, кто из них лучше совершает свое дело?» Не знаю, повторяю еще раз, пришел ли к нему на помощь хоть раз подобный голос, но сам поэт, не в одно и то же, конечно, время, понимал это и признавал ясно.

«Нет (говорит он, определяя значение смеха и уясняя нравственное его значение), смех значительней и глубже, чем думают: он углубляет предмет, заставляет выступать ярко то, что проскользнуло бы; без проникающей силы его мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека. Несправедливы те, которые говорят, будто смех возмущает. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многие бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примирение в душу. Несправедливо говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над плутом, выведенным на сцене; плут-потомок посмеется, но плут-современник не в силах посмеяться. На-

смешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете. Засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха: что смешно, то низко, говорит свет; только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают название высокого» (стр. 587 «Театрального Разъезда» в Сочинениях Гоголя. Изд. 1842).

Какое истинное и глубокое эстетическое положение, которое юморист высказывает в период своего нормального творчества! И теперь посмотрите, как болезненно начинает он, под гнетом неисполнимой задачи, вторую часть «Мертвых душ».

«Зачем же изображать бедность да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что ж делать, если уже таковы свойства сочинителя, и заболев собственным несовершенством, он уже не может изображать ничего другого, как только бедность да бедность, да несовершенства нашей жизни».

Не может, повторяю и я вместе с этими ис-

кренными строками, но только по другой причине. Идеал Гоголя был слишком высок; воплотить его всецельно было, мне кажется, делом неисполнимой задачи для искусства.

Во всей моей статье, не касаясь великого писателя, как человека, что предоставляю будущим его биографам, я смотрел на него как на художника, и надеюсь, что меня не упрекнут в несколько рановременной, может быть, откровенности: чем предмет ближе к сердцу, тем скорее и откровеннее хочется говорить о нем, и сверх того я высказал не свои почти мысли, а те, которые живут и вращаются между большей части искренних почитателей его таланта. Желая по преимуществу одного: чтоб статья моя вызвала ряд других статей, которые пополнили бы то, что мною недосказано, расширили бы высказанный мною взгляд или даже совершенно отринули его, как односторонний, и заменили бы его другим, более общим и верным. Наконец, в заключение, могу пожелать всем вам, писателям настоящего времени, призванным проводить животворное начало Гоголя или внести в литературу свое новое, — одного: чтоб, имея

В виду ошибки великого мастера, каждый шел по избранному пути, не насилуя себя, а оставаясь к себе строгим в эстетическом отношении, говорил, сообразуясь с средствами своего таланта, публике правду.

1855 года.

Июля 27-го

Примечания

Статья впервые опубликована в «Отечественных записках», 1855, № 10.

В своих художественных произведениях 40-50-х годов Писемский выступает как крупнейший последователь Гоголя. Современники справедливо усматривали в нем одного из талантливых учеников Гоголя и наиболее яркого представителя натуральной школы. Закономерно поэтому, что в области литературно-критической деятельности Писемского заметным явлением стала его статья о II томе «Мертвых душ» – одна из первых статей, посвященных этому произведению.

26 Октября 1855 года Писемский сообщал М.П.Погодину: «Написал я статью о Гоголе... Сказал, по крайнему своему убеждению, о нашем великом мастере правду; многие на меня, знаю, теперь восстанут, но верю в одно, что с течением времени правда останется за мной».[28]

Еще до появления в печати II том «Мертвых душ» вызвал оживленные толки как в среде славянофилов (отдельные главы чита-

лись, например, у Аксаковых), так и у представителей другого лагеря (в частности, у И.С.Тургенева, который имел возможность познакомиться с несколькими главами в рукописи). При этом реакция была, конечно, совершенно различной. Аксаковы безоговорочно приняли II том «Мертвых душ». В.С.Аксакова 29 августа 1849 года писала М.Г.Карташевской, что «Гоголь все тот же, и еще выше и глубже во втором томе»[29]. Более конкретно высказался К.С.Аксаков, который, сообщая брату (И.С.Аксакову) о чтении Гоголем второй главы II тома «Мертвых душ», писал в январе 1850 года: «Она для меня несравненно выше первой. Улинька, генерал, жизненные отношения и столкновения этих и других лиц не выходят у меня из головы. Чем дальше, тем лучше».[30]

На И.С.Тургенева II том «Мертвых душ» также произвел сильное впечатление. Но в противоположность Аксаковым он смог увидеть в этом произведении и его слабые стороны. П.В.Анненкову 2 апреля 1853 года Тургенев писал: «Довелось мне слышать отрывки из первых двух глав продолжения «Мертвых

душ» – вещь удивительная, громадная – но что такое фантастический наставник Тентетникова – Александр Петрович – что за лицо – и какое его значение? – Не нравится мне также Улинька: ложью – (виноват!) ложью несет от нее...».[31]

Литературно-критические взгляды Писемского сложились под влиянием Белинского, хотя последовательным учеником его как в области философско-эстетической, так и в вопросах социальных Писемский не был. Статья его о II томе «Мертвых душ» в некоторых своих теоретических предпосылках сближается с взглядами Дружинина. Однако, когда Писемский переходит к анализу конкретных историко-литературных явлений, он высказывает суждения совершенно в духе Белинского и деятелей натуральной школы. Так, например, он дает меткие и верные характеристики писателей догоголевского периода, неизменно подчеркивая свое отрицательное отношение к прозе Марлинского и Загоскина, драматургии Полевого, к патетическим и риторическим стихотворным произведениям Кукольника, напыщенной поэзии Бенедикто-

ва.

Очень важно отметить, что Писемский сходится с Белинским в оценке так называемых лирических отступлений в I томе «Мертвых душ». Писемский считал, что Гоголь – великий юморист, но не лирик, ибо весь его «лиризм поглощается юмором». Он находил, что под влиянием лирических отступлений в I томе «Мертвых душ» друзья Гоголя, питавшие «полную веру в лиризм юмориста», «ожидали от него идеалов и поучений», что, по мнению Писемского, несвойственно вообще природе таланта Гоголя, представляет слабую сторону его. Отрицательно оценивая лирические отступления в I томе «Мертвых душ», Писемский, по существу, повторял то, что в 1846 году высказал Белинский в статье, посвященной второму изданию этого произведения. Белинский видел в лирических отступлениях, то есть в тех местах, где «из поэта, из художника силится автор стать каким-то пророком и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм», «важные недостатки» I тома «Мертвых душ».[32]

В оценке ряда образов II тома «Мертвых

душ» к Писемскому оказался близок Н.Г.Чернышевский, в примечаниях к «Очеркам гоголевского периода» (статья первая), напечатанных в «Современнике» (1855, № 12), давший глубокий анализ этого произведения. Подобно Писемскому, который считал, что попытка Гоголя «сыскать и представить идеалы» превращается в труд «насильственный», Чернышевский также находил, что «изображение идеалов было всегда слабейшею стороною в сочинениях Гоголя»[33]. С этой точки зрения Чернышевский подходил к оценке образов II тома «Мертвых душ», считая неудачными «многие страницы отрывка о Костанжогло, многие страницы отрывка о Муразове», усматривая в монологах первого из этих героев «смесь правды и фальши»[34]. Резко отрицательно высказался по поводу образа Костанжогло и Писемский, бегло упомянув о Муразове, в котором усматривал решительное преобладание «идеи над формой». Если Писемский сочувственно отозвался о таких образах, как Тентетников, Бетрищев, Петух и его сыновья, то и Чернышевский отметил «превосходно очерченные характеры Бетри-

цева, Петра Петровича Петуха и его детей».
[35]

Появление статьи Писемского о II томе «Мертвых душ» оказалось значительным событием в историко-литературной жизни 50-х годов. Н.А.Некрасов в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года» отметил, что эта статья «любопытна». Он указал, что в ней есть несколько верных и метких наблюдений (к числу их Некрасов относил все то, что сказано Писемским о Тентетникове, Костанжогло, генерале Бетрищеве и в особенности о Хлобуеве). Кое в чем Некрасов расходился с Писемским (в частности, в осуждении им анекдота о черненьких и беленьких, в отказе Гоголю в лиризме на основании отдельных неудачных лирических отступлений в I томе «Мертвых душ» и др.). В заключение Некрасов повторял, что статья Писемского – «приятное явление среди фельетонной мелкоты, на степень которой низошла современная критика».[36]

В первой публикации («Отечественные записки») статья Писемского подверглась цензурной правке. Так, например, во фразе «Кукольник создавал псевдоисторическую рус-

скую драму» слово «псевдоисторическую» заменено было словом «историческую», совершенна менявшим, конечно, оценку Писемским деятельности этого писателя. Был изменен в журнальном тексте и конец этого же абзаца, носивший явно иронический характер. Вместо слов, относившихся к Каратыгину – Ляпунову: «...из-за чего-то горячащегося и что-то такое говорящего звучными стихами», – в «Отечественных записках» напечатано было: «Благородного и энергического Ляпунова».

Следует отметить также, что во II томе «Сочинений А.Ф.Писемского», изданных в 1861 году, отсутствуют слова: «Зная сам отчасти Россию и...» (следовавшие в журнальном тексте за словом «откровенно» во фразе: «Скажу еще более откровенно: вглядываясь внимательно в живые стороны Костанжогло...»). По-видимому, эту часть фразы выбросил сам Писемский на основании замечания, сделанного Некрасовым. В «Заметках...» Некрасов, процитировав это место, восклицал: «Зачем вы говорите нам о вашем знании России, когда вы звали нас послушать о Гоголе? Это невыгодно

для вас...».[37]

Статья печатается по изданию Ф.Стелловского.

Примечания

...о произведениях его вообще и о второй части «Мертвых душ»... – Имеются в виду четыре тома второго шеститомного издания «Сочинений Н.В.Гоголя», вышедшие в 1855 году. Тогда же были опубликованы «Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В.Гоголя. Том второй (5 глав)».

[^^^]

...с своими первыми произведениями. – В 1829 году Гоголь опубликовал поэму «Ганц Кюхельgarten» под псевдонимом В.Алов. В «Отечественных записках» в 1830 году появилась его повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала». Отрывки из повести Гоголя «Страшный кабан» напечатаны были в «Литературной газете» в 1831 году. Первая книга «Вечеров на хуторе близ Диканьки» вышла в 1831 году, вторая – в начале 1832 года.

[^^^]

...успеху поэта и его последователей... – В 1829 году вышла в свет «Полтава» и две части «Стихотворений А.Пушкина». Часть третья «Стихотворений» появилась в 1832 году и часть четвертая – в 1835 году. Под «последователями» Пушкина подразумевается ряд наиболее видных поэтов, которых по традиции не совсем правильно объединяли в так называемую «пушкинскую плеяду». Сборники их стихотворений выходили отдельными изданиями в 1827 и 1835 годах (Е.А.Баратынский), в 1829 году (А.А.Дельвиг), а 1832 году (Д.В.Давыдов), в 1833 году (Н.М.Языков) и др.

[^^^]

...симпатия, возбужденная историческими романами Загоскина и Лажечникова... – Речь идет о романах М.Н.Загоскина: «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831), «Аскольдова могила» (1833) – и И.И.Лажечникова: «Последний Новик» (1831—1833) и «Ледяной дом» (1835), – имевших шумный успех.

[^^^]

...Жуковский и Крылов еще жили и писали. – В.А.Жуковский в 1831 году опубликовал «Баллады и повести». К 1835 году относится начало печатания четвертого издания его «Сочинений» в девяти томах, в 1837 году отдельным изданием была напечатана «Ундина». «Басни И.Крылова» (книги 1-8) выходили с 1830 по 1840 год. Девятая книга была включена в «Басни» впервые в 1843 году.

[^^^]

...напыщенными великосветскими повестями и кавказскими романами... – Стиль писателя-романтика А.А.Бестужева (Марлинского) отличался обилием метафор, создающих впечатление выпренности, напыщенности. Речь идет о таких его произведениях, как, например, повесть из светской жизни «Испытание» (1830), и о повестях, действие которых происходит на Кавказе: «Аммалат-Бек» (1832), «Мулла-Нур» (1835—1836), и других, полных красочных этнографических подробностей.

[^^^]

...Полевой компилировал драмы... прибежал к колокольному звону. – Н.А.Полевой, сблизившись после закрытия «Московского телеграфа» с Н.И.Гречем и Ф.В.Булгариным, стал писать псевдоисторические пьесы. Когда в 1842—1843 годах вышли в свет «Драматические сочинения и переводы Н.А.Полевого», ч. 1-4, то в 3-й части помещен был перевод «Гамлета» Шекспира, а в 4-й – драмы «Смерть или честь!» и «Мать-испанка», содержание которых, по словам автора, было взято из повестей иностранных писателей. Комедию «Солдатское сердце, или биваки в Саволаксе» (2-я часть) Полевой снабдил подзаголовком «Военный анекдот из финляндской кампании», а по поводу исторической были «Иголкин, купец, новгородский» (1-я часть) писал в послесловии, что здесь в основу положен анекдот, приведенный Голиковым в его «Анекдотах, касающихся до Петра Великого». В двухактной «русской были» «Костромские леса» после того как Сусанин сообщает полякам, что «уже давно» послал он в Домнино весть и мо-

лодой царь «М.Ф.Романов теперь уже в Ко-
строме – спасен от ваших рук!», Полевой ввел
ремарку: «Слышен отдаленный благовест».

[^^^]

...выводя на сцену в мужественной фигуре Каратыгина Ляпунова... – Речь идет о пятиактной драме Н.В.Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (1835), в которой В.А.Каратыгин исполнял роль одного из главных действующих лиц – Прокопа Ляпунова. Мнение о том, что пьесы Кукольника «никак не могут быть названы настоящими трагедиями, и тем более трагедиями русскими», Писемский неоднократно высказывал и впоследствии, утверждая, что в пьесах его много «реторически-ходульно-величавых фигур» (А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 191, 237).

[^^^]

...Барон Брамбеус... зубоскалил в одном и том же тоне над наукой, литературой и над лубочными московскими романами. – Барон Брамбеус – один из псевдонимов О.И.Сенковского, беспринципного журналиста, с реакционных позиций выступавшего против Гоголя и писателей натуральной школы. Термин «московский роман» был употреблен Сенковским применительно к книге «Вечера на кладбище. Оригинальные повести из рассказов могильщика. Сочинение X.», изданной в Москве в 1837 г. В «Литературной летописи» «Библиотеки для чтения», говоря об этой книге, Сенковский упоминал и о других сочинениях того же автора («Сокольники», «Танька»), которого он характеризовал как главу «серой литературы» (1837, том 23, отд. VI, стр. 9—11). Далее в той же «Литературной летописи» в действительно не менее развязном тоне Сенковский писал, например, о книжке М.Максимовича «Откуда идет Русская земля, по сказанию Нестеровой повести и по другим старинным писаниям русским» (Киев, 1837), о

«Взгляде на математику, основанную на философии», сочинение инженер-капитана Татаринова (СПб, издание императорской Академии наук, 1836, стр. 19—20, 31—32 и т. д.).

[^^^]

...Бенедиктов и Тимофеев звучали на своих лирах... – «Стихотворения» В.Г.Бенедиктова, вышедшие в 1835 году, имели недолговременный, но шумный успех. А.В.Тимофеев издал в том же году «Песни», а в 1837 году – «Опыты» (3 части).

[^^^]

...описания молодых девушек... – Имеются в виду повести из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

[^^^]

12

...картинная Аннунциата... – Аннунциата – героиня отрывка Гоголя «Рим».

[^^^]

...государственный муж и забившийся в глушь чиновник в «Театральном разъезде»... слабы по выполнению. – Имеются в виду господин А, занимающий «государственную должность довольно значительную», и его собеседник, «очень скромно одетый человек» – чиновник из маленького городка. Эти лица были задуманы как выразители положительных идеалов автора «Театрального разъезда».

[^^^]

...напустив ему в глаза всякого книжного и житейского тумана... – Писемский имеет в виду следующее место из IX главы первого тома «Мертвых душ»: «Дамы умели напустить такого тумана в глаза всем...»

[^^^]

Надобно... с тонким чутьем критику... растолковывать их художественный смысл... – Имеются в виду В.Г.Белинский и его статьи: «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835), «Горе от ума» (1840), «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1842), «Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1842), «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (1842) и др.

[^^^]

...колебать иногда даже пристрастно устоявшиеся авторитеты... – Речь идет о Пушкине. Белинский в статье «Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» писал: «...мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени» (В.Г.Белинский. Полное собрание сочинений. Том VI, М., 1955, стр. 259).

[^^^]

...надобно было несколько даровитых актеров... – В «Ревизоре» в роли городничего с громадным успехом выступал М.С.Щепкин. Белинский в 1844 году писал, что при исполнении Щепкиным этой роли «от некоторых сцен становится страшно». В связи с этим находится и утверждение критика о том, что «Ревизор» «столько же трагедия, сколько и комедия» (В.Г.Белинский. Полное собрание сочинений. Том VIII. М., 1955, стр. 416). На петербургской сцене роль городничего удачно исполнял И.И.Сосницкий. В роли Хлестакова самому Гоголю нравился С.В.Шумский.

[^^^]

...Критики и рецензенты почти повторяли то же. – Действительно, рецензент «Библиотеки для чтения», разбирая вторую книгу сборника «Новоселье», в которой была помещена «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», сравнивал Гоголя с Поль-де-Коком, ибо у того и у другого сюжеты произведений «грязны и взяты из дурного общества» (1834, т. III, отд. V, Критика, стр. 32). А по поводу I тома «Мертвых душ» «Северная пчела» писала, что «ни в одном русском сочинении нет столько безвкусия, грязных картин...» (№ 119 от 30 мая 1842 года, стр. 475). Н.А.Полевой также находил, что у Гоголя «все исполнено таких отвратительных подробностей, таких грязных мелочей, что, читая «Мертвые души», иногда невольно отворачиваетесь от них» («Русский вестник», 1842, № 5 и 6, Критика, стр. 43).

[^^^]

...Одна газета... неприлично бранилась... – Речь идет о «Северной пчеле»; половина рецензии Н.И.Греча, посвященной разбору I тома «Мертвых душ», состояла из «неправильных» выражений, выписанных рецензентом из этого произведения Гоголя, в котором «язык и слог самые... варварские» (№ 137 от 22 июня 1842 года, стр. 546).

[^^^]

...журнал, кутивший фимиам похвал драмам Кукольника, называл творения Гоголя пустяками и побасенками. – Речь идет о «Библиотеке для чтения», в которой Сенковский писал, в частности, в связи с появлением драмы Кукольника «Торквато Тассо»: «Для меня нет образцов в словесности: все образец, что превосходно, и я так же громко восклицаю «великий Кукольник!» перед его видением Тасса и кончиною Лукреций, как восклицаю «великий Байрон!» перед многими местами творений Байрона» (1834, т. I, отд. V, стр. 37). И наоборот, критикуя Гоголя, Сенковский писал о «Ревизоре» как о сочинении, которое «даже не имеет в предмете нравов общества, без чего не может быть настоящей комедии: его предмет – анекдот» («Библиотека для чтения», 1836, т. XVI, отд. V, стр. 42). Это место статьи Сенковского дало Гоголю повод вложить в уста автора в заключительном монологе «Театрального разезда» такие полные негодования и горечи слова: «Все, что ни творилось вдохновеньем, для них пустяки и побасенки;

создания Шекспира для них побасенки; свя-
тые движенья души – для них побасенки...»
(Н.В.Гоголь. Полное собрание сочинений, т. V,
1949, стр. 170).

[^^^]

...открыл в нем... социально-сатирическое значение, а несколько псевдопоследователей как бы подтвердили эту мысль. – Речь идет о Белинском. Возражая Писемскому, Некрасов в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года» писал, что Белинский «...выше всего ценил в Гоголе – Гоголя-поэта, Гоголя-художника, ибо хорошо понимал, что без этого Гоголь не имел бы и того значения, которое г. Писемский называет социально-сатирическим» (Н.А.Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. Том IX, стр. 342). Под «псевдопоследователями» Белинского Писемский имеет в виду прежде всего, очевидно, В.Н.Майкова, который в статье о «Стихотворениях Кольцова» (1846) писал о Гоголе как о писателе, давшем «надолго нашей литературе направление критическое» (В.Майков «Критические опыты (1845—1847)». СПб, 1891, стр. 115).

[^^^]

...ожидали от него идеалов и поучений... – Имеются в виду В.А.Жуковский и П.А.Плетнев, к которым присоединились затем С.П.Шевырев, М.П.Погодин и семья С.Т.Аксакова, способствовавшие идейному и творческому кризису Гоголя. Значительно позже, в 1877 году, в письме к Ф.И.Буслаеву Писемский высказал ту же самую мысль о Гоголе, что и в данной статье: «Сбитый с толку разными своими советчиками, лишенными эстетического разума и решительно не понимавшими ни характера, ни пределов дарования великого писателя, он еще в «Мертвых душах» пытался поучать русских людей посредством лирических отступлений и возгласов: «Ах, тройка, птица тройка!» (А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 365).

[^^^]

...представить... и чудную русскую деву... –
Имеется в виду отрывок из главы XI первого
тома «Мертвых душ», начинающийся слова-
ми: «Но... может быть, в сей же самой повести
почуются иные, еще доселе небранные стру-
ны...» (Н.В.Гоголь. Полное собрание сочине-
ний. Том VI, 1951, стр. 223).

[^^^]

...сколько повестей написано на тему этого характера... – Имеются в виду: «Герой нашего времени» Лермонтова (1840), «Кто виноват?» Герцена (1845—1846), «Обыкновенная история» Гончарова (1847), «Последний визит» П.Н.Кудрявцева (1844), «Родственники» И.И.Панаева (1847) и др.

[^^^]

...она уж есть у нас в лице Татьяны Пушкина... – Аналогичное мнение высказано было Писемским в 1877 году в письме к Ф.И.Буслаеву, в котором он писал о «поползновении» Голя «явить образец женщины в особе бессмысленной Улиньки, после пушкинской Татьяны...» (А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 365—366).

[^^^]

...укорить автора за анекдот о черненьких и беленьких. – Речь идет об «анекдоте», рассказанном Чичиковым генералу Бетрищеву (см. один из вариантов II главы второго тома «Мертвых душ». Н.В.Гоголь. Полное собрание сочинений. Том VII, 1951, стр. 164—166).

[^^^]

...родственные тебе... по таланту писателя – Диккенс и Теккерей. – Упоминание этих двух имен не случайно. Впоследствии в письме к В.Дерели, в 1878 году, Писемский также назвал в числе писателей, которых «изучали» «люди сороковых годов» (в том числе он сам), Диккенса и Теккерей. О связи рассказа «Фанфарон» с «Книгой снобов» Теккерей см. примечания ко II тому настоящего собрания сочинений.

[^^^]

А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936,
стр. 87—88.

[^^^]

«Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 719.

[^^^]

Там же, стр. 724.

[^^^]

«Вопросы литературы», 1957, No 2, стр. 179.

[^^^]

В.Г.Белинский. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956.
стр. 51.

[^^^]

Н.Г.Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 10.

[^^^]

Там же, стр. 10, 11.

[^^^]

Там же, стр. 13.

[^^^]

Н.А.Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX,
М., 1950, стр. 345.

[^^^]

Н.А.Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX,
М., 1950, стр. 344.

[^^^]